

Иван Кандыбаев

ОТЧИЙ ДОМ

* * *

Скорее в деревню, к простору и свету,
Где в бисер и жемчуг деревья одеты.
Скорее под чистое синее небо,
Где воздух настоян на запахе хлеба.

По снегу, морозу навстречу закату,
Скорее, скорее в уютную хату,
Где столько внимания ждёт и участия,
Где сердце поёт и ликует от счастья.

Сейчас приоткрою знакомые двери,
И новую радость любовью проверю.
Наполнится комната шумом и смехом:
Встречайте, родные, я в гости приехал!

* * *

Ночью снова снилась кровь...
Говорит, как будто бредит.
– Может быть, под отчий кров
Наконец сынок приедет.

Разболелась вдруг душа,
Хоть и верная примета,
Дочка тоже хороша:
Ни ответа, ни привета.

Понимаю, что дела,
Понимаю, что заботы,
Только сильно я сдала,
Нездоровится мне что-то...

Будто в сердце огонек
Угасает понемногу...
Слышишь, дочь, и ты, сынок,
Приезжайте, ради Бога.

...Мотыльком в глухой ночи
О стекло стучится память.
И звучит, звучит, звучит
Беспокойный голос мамы...

* * *

Запах дыма. Топят печи.
Зимний день стремится прочь.
Розовато-сизый вечер
Переходит быстро в ночь.

Лунный свет. Мороз сильнее.
Веток треск и шорох звезд...

И по снегу все слышнее –
Скрип полозьев на сто верст...

* * *

Пурга в лицо. Дорогу замело.
Гудят столбы, сутулятся деревья.
В степи едва виднеется село,
В сугробах утонувшая деревня.

Там где-то дом
с верандой и крыльцом...
К нему идти вовеки не устану,

Чтобы опять увидится с отцом,
Чтобы обнять взволнованную маму.

Отец и мать...

Печали не унять

Теперь уже ни при какой погоде.
Дубовый стол, железная кровать,
Молчат часы на стареньком комоде.

Минуты, дни и прежние года
Давным-давно как птицы улетели...
Гудят в ночи тревожно провода,
И слышен плач бушующей метели...

* * *

Зеленый плес, песчаная коса,
И ветерок по берегу порхает.
На поплавок присела стрекоза,
Сидит себе, спокойно отдыхает.

Из глубины таинственного дна
Какую рыбу вытащу на сушу –
Неважно мне, важнее тишина...
Ах, тишина! Она врачует душу.

Все выше, выше летняя заря,
Блестит роса, пока еще не жарко...
Июнь, июнь – прекрасная пора,
Хороший день, отличная рыбалка!

* * *

Дом стоял, и – нету хаты...
Как случилось – не пойму,
Деревянные палаты
Раскатали по бревну.

Повытягивали жилы,
Развязали все узлы,
На машину уложили
И куда-то увезли.

Что теперь глухие стоны,
Сожаления слова?
Дома нет. Остались клены,
Да высокая трава...

Сердце раненое бьется,
Выбивается из сил.
Вот из этого колодца
Я когда-то воду пил.

А вокруг белели вишни,
Расцветал весенний сад...
Было это двадцать с лишним
Или тридцать лет назад.

Увезли, пропал без вести,
Без него теперь стареть.
Милый дом,
прости,
что вместе
Не случилось умереть...

НА ЛЫЖНЕ

Сосны, березы, сугробы по поясу.
Правит куда-то в округе зима,
Вновь по лыжне за деревьями скроюсь
С пользой для сердца, души и ума.

Раннее утро.

Великое чудо
Видеть, как новый рождается день –
Солнце лучами из леса повсюду
Мрак выметает и серую тень.

С каждой минутой небо светлее,
С каждым мгновением радостней бег.
Перед глазами то ярко белеет,
То голубым вдруг становится снег.

Иней с деревьев, срываясь, кружится
И, рассыпаясь, дрожит на весу.
Пробует голос свой первая птица –
Это синица проснулась в лесу.

Лыжи скрипят по упругому насту.
Солнце смеется, завидев меня.
Руки навстречу,

кричу ему: «Здравствуй!
Здравствуй,
начало погожего дня!»

ГЕНЕРАЛ КАРБЫШЕВ

С себя погоны не срывал,
Присяги тоже не нарушил.
Спокойно все осознавал:
Душою видел, сердцем слушал.

Куда от совести бежать,
Когда страна в огне и дыме?
Ведь Родина, она как мать:
Что мать подумает о сыне?

В какой бы ни был стороне,
Любовь к Отчизне не подсудна.
А на войне, как на войне,
На ней всегда бывает трудно.

Так думал русский инженер,
Профессор, доктор и учитель,
Неодолимых рубежей
Фортификатор и строитель.

Но, крепче всех бетонных стен,
Стена внутри его вставала,
С тех пор как, раненого, в плен
Фашисты взяли генерала.

– Работа, чин, авторитет,
Еда, вода, апартаменты...
На нас работать будешь?
– Нет!
– Отправить в лагерь смерти!

Пускай попробует пожить
В аду, где воздух пахнет серой...
А он и там стране служить
Продолжил мужеством и верой.

Твердил товарищам про честь,
Любовь к Отчизне и народу
И убеждал, что даже здесь
Сражаться можно за свободу.

Ну а потом пришел тот день,
Настали судные минуты...
И, покачнувшись, встала тень,
Не тень – душа его, по сути!

Угрозы, пытки – нипочем!
Ну, значит, сам и виноватый...
В последний раз плечом в плечо
С ним встали пленные солдаты.

Их вместе вывели во двор,
Чтоб на морозе остывали.
Затем brandспойтами в упор
Водой холодной обливали...

Нет, он на землю не упал.
Он и теперь стоит упрямо.
Снаружи твердый, словно сталь,
Внутри – бушующий, как пламя!

У ДУБОСЕКОВО

«Блицкриг!», «Тайфун!» – орали фрицы,
Отодвигая рубежи –
Все ближе к подступам столицы,
Где оцетинились ежи.

Горели села, полустанки,
И дым стелился на Москву.
И, расставляя ромбом танки,
Фон Бок готовился к броску.

И час настал, и в поле чистом
Вдруг затряслась земля окрест.
Армадой двинулись фашисты
На Дубосековский разъезд.

Катился гул и лязг, и топот.
Чернела копоть на снегу.
И от бойца к бойцу в окопах
Звучало: «Не пройти врагу!»

«Ребята, встретим их как надо!»
«Огонь!» – ударил пулемет.
«Ну вот, теперь держитесь, гады!
Еще посмотрим, чья возьмет!»

Готовь гранаты и бутылки!
Подбросим извергам огня!»
И, отвернувшись от развилки,
Назад попятилась броня.

И снова танки и пехота,
И снова дан отпор врагу...
В тот день не взвод, почти вся рота
Лежать осталась на снегу.

Никто позиции не бросил,
Не отступил никто назад.
И легендарных двадцать восемь,
И сто неназванных солдат.

БОЖИЙ ХРАМ

Кто сложил кирпичи – неизвестно,
Только строили храм неспроста.
Над верхушками темного леса
Он стоял, прославляя Христа.

С крутояра высокого людям
Виден был позолоченный крест.
И звенел, и катился повсюду
Не сравнимый ни с чем благовест!

Утром белым и вечером синим
Благодать ощущали все там,
И, казалось, она не покинет
Красотою сияющий храм.

Но с годами, наверное, слишком
Накопилось неправды у нас...
Приступили к святине людишки,
Чтобы выполнить чей-то приказ.

Разломали, сорвали, разбили,
Порубили, что только могли,
А потом на полу все сложили
И во храме костер разожгли.

И остался, оплаканный ветром,
Ослепленный, поруганный храм,

Погружаясь во дни лихолетья
В непролазный колючий бурьян.

И теперь из глухого забвенья,
С головою опущенной ниц,
Он, как нищий, припав на колени
Смотрит окнами черных глазниц.

Молчаливый изгой и калека
Ждет участия добрых людей...
Божий храм из далекого века
Без креста, куполов и дверей.

Что сегодня ему мы ответим:
Будем жить в бездуховной глуши
Или снова наполнимся светом
От Христовой бессмертной души?..

* * *

Я – та самая драхма
В куче пыли и сора...
Мне блеснуть бы из праха
Перед ищущим взором.

Потерялся и сразу
В темноте не заметен.
Образ царский от грязи
Потемнел на монете.

Быть пропащим – негоже,
У любого спросите...
Будь заступником, Боже!
Помоги мне, Спаситель!

Чтоб не кончилась прахом
Жизнь в щели затаенной,
Дай мне, Господи, драхмой
Быть Тобой обретенной.

Иван Кандыбаев родился 8 апреля 1957 года в с. Алексеевка Щербактинского района, Павлодарской области. Окончил Семипалатинский пединститут. Служил в армии. Работает учителем физкультуры в г. Павлодаре. Автор трех поэтических сборников: «В гостях у памяти» (1998), «После дождя» (2007) и «Выбираю любовь» (2015).

